



Приворотных зелий не варила  
 И волшебных травок не рвала.  
 Просто так — взяла и полюбила,  
 Сердце на ладони принесла...  
 Просто так... Да много ли мне надо?  
 Верю, ты поймешь меня без слов...  
 Мне бы знать, что где-то есть ты рядом,  
 Где-то рядом ты, и мне светло...  
 Теплый ветер осторожно дунет,  
 Навевая радостные сны.  
 Хочешь — называй меня колдуньей...  
 Хочешь — первым днем своей весны...



Если по жизни везет, — говорят, — ты родился в рубашке.  
 Или еще — ты рожден под счастливой звездой...  
 Как же назвать вас, рожденных с душой нараспапку,  
 Тех, кто пришел в этот мир с обнаженной душой?  
 Тех, кому больно со всеми слезами земными,  
 Тех, кому страшно за весь человеческий род...  
 Издавна вас на Руси почитали святыми  
 Иль сумасшедшими — это уж как повезет...  
 Я бы не знала, какое придумать вам имя,  
 Мне подсказала его малолетняя дочь,  
 Глядя мне в душу своими глазами большими:  
 «Мама, мне ангелы снились сегодня всю ночь...»



И снова гитара рыдает,  
 Рвет душу цыганский напев.  
 Цыганку никто не признает  
 В ряду записных королев...  
 Вся жизнь ее — вольная воля,

И нет для той воли оков,  
А дом ее — чистое поле  
С огнями горящих костров...  
Сияют мониста — как пляшет!  
Ах, черт, до чего хороша!  
И то, что словами не скажет,  
Цыганская скажет душа...  
Глаза ее — ночи темнее,  
Горят полудиким огнем.  
Да, только цыганка умеет  
Молчать — и кричать о своем...  
Пусть яркий костер догорает  
И табор готовится в путь —  
Рыдает гитара, рыдает...  
Опять до утра не уснуть!  
И мысли конями лихими  
Несутся в шальной голове:  
Глаза ее... Странное имя...  
Забывтый браслет на траве...

## Ты — зеркало

Ты зеркало...  
И я себя в нем вижу.  
Чуть старше...  
Чуть спокойней...  
Чуть мудрей...  
Все так же. И люблю, и ненавижу,  
И рвусь на волю из чужих сетей...  
Жизнь оставляет ссадины на коже,  
Но хватит сил весь мир перевернуть.  
Я зеркало...  
И ты в нем чуть моложе,  
Наивней и доверчивей чуть-чуть...

Кирилл ГЕТЬМАН

## Лишний

*Сначала в бездну свалился стул,  
Потом — упала кровать,  
Потом — мой стол. Я его толкнул  
сам. Не хочу скрывать...*

*И. А. Бродский*

Сначала в бездну свалился... Я?  
Воистину, странно это.  
А то, что вокруг (урна, скамья)  
Продолжит стоять. Фальцетом

Завоет баба, увидев дно  
Вышеописанной бездны.  
После меня останется «Но»,  
«Но» же повиснет в надежде,  
Что я спасен, ведь это же бред!  
Об этом не пишу в книжках...  
Впрочем, вполне возможен ответ —  
Упал, потому что лишний...

## Морфоз

Это морфоз моего нутра —  
Сначала точка, теперь дыра  
На месте легких, диафрагмы.  
Грудь онемела. Даже пера  
Вздохом не двинет, будто гора...  
Но не вулкан (ибо нет магмы).

Но не вулкан. Возможно, ледник  
Дыру окружил. Грустен мой лик  
И равнодушен, но не жесток.  
Иногда шепот громче, чем крик.  
Мной придуман особый язык  
(Надеюсь, поймешь). Это же ток.

Не электроны. Масса частиц —  
Мыслей обрывки, множество лиц.  
Вся эта смесь вскипает, бурля.  
Давно в руках перебор синиц,  
Зато увидел истины блиц:  
Закрывать дыру — поймать журавля.

## Вспомню

Читал стихи в подворотнях,  
Взгляде собак или кошек,  
В кучах газет прошлогодних,  
В топоте женских ножек.  
В рокоте моря и неба,  
В черных глазах ворожей,  
В запахе пота и хлеба,  
В нежных изгибах шеи.  
Читал стихи по бродягам  
Или обветренным лицам.  
Вслух, наизусть, по бумагам —  
Музам вернул сторицей.  
В нежном романтики звоне,  
Прожил с цинизмом в соседстве  
Я обязательно вспомню  
Стих, что придумал в детстве.

## Блюз солдата у стены плача

Бог испросил у растений —  
 хочет ли кто прижиться на продуваемых ветром,  
 на неприступных и голых скалах безлюдных гор.  
 Все поклонились отказом.  
 Лишь своенравный вереск ветви покорно вскинул.  
 Даровал ему Бог силу,  
 Даровал Медоносность,  
 Даровал Очарованье,  
 Даровал Аромат.

Дул над вереском ветер. Дул над Стеною Плача.  
 Вшей я кормил в гимнастерке. Холил насморк в носу.

Спал в одиночестве — Далья осталась в Лозанне.  
 Жду нашей встречи с надеждой, что непременно вернусь.

Мрачно мерцали тучи. Дождь изливало небо.  
 Я ведь солдат, Стена Плача. Знающий, что к чему.

Между камней твоих щели. В щелях записки ближних.  
 Просят у Бога мира Обетованной Земле.

Просят толику счастья. Благополучия — детям.  
 И чтобы еще хотелось хоть немножко пожить.

Скоро меня подменит Йони — несносный нудник,  
 Я не люблю его штучки, кривляния и вообще.

Это его заботы. Если он христианин — пусть поклоняется рыбе.  
 Мне-то какое дело, что у него на шее — Маген Давид или Крест.

Был бы я ветераном, выжившим в схватке с врагами,  
 Я бы оставшимся глазом только на небо смотрел.

Дмитрий ИВАНОВ

## Вырос

Я перестал считать удачи,  
 Победы мелкие копить  
 И, самого себя дурача,  
 Пытаться что-то изменить

Как ни крути — одно и то же  
 Нам уготовано в краю,

Где очень просто подытожат  
Былую значимость твою.

Но неразгаданною тайной  
Пушкой пребудут до конца  
И трепетность строки случайной,  
И свет любимого лица.

## Человеку

«Считать года с годами все грустней»,  
Но не хочу сдаваться им на милость.  
Накрою стол и стану ждать гостей,  
И вспоминать, как прежде веселилось...

Я волю дам и чувствам и словам,  
И календарь вновь датами помечу.  
Пока свет моего окна приметен вам,  
Я буду говорить: «До новой встречи!»

## Фото

На мокром асфальте, под самым окном,  
Обрывок лежит фотоснимка:  
улыбчивый кто-то остался на нем  
И, видимо, с кем-то в обнимку.

Но дворник прошелся шершавой метлой  
Привычно, без всякой заминки.  
И бросил в костер вместе с жухлой листвой  
Того, кто там счастлив на снимке.

Неведомой встречи печальный финал,  
Отнюдь не по воле всевышней.  
Фотограф когда-то на память снимал,  
Да память короткою вышла...

## В детстве прощаться нетрудно

В детстве прощаться нетрудно —  
Радует каждый отъезд,  
Так же, как новое утро  
И неизведанность мест.

Ни состраданий, ни боли,  
Память пока не строга.

Всяким отъездом доволен,  
Что поменял берега.

Многие годы промчатся  
Прежде, чем все же поймешь,  
Как это горько — прощаться  
С тем, что потом не вернешь.

## Январское

Дорога средь нетронутых снегов.  
И я на ней — единственный прохожий.  
И только громкий хруст моих шагов  
Безмолвье это белое тревожит.

И впереди — ни тени, ни следа.  
Какая блажь несет меня от дома?  
А может, так и надо: иногда  
Уйти от всех дорогой незнакомой?

И в одинокой зимней тишине  
Вдруг ощутить — да так, что сердцу больно, —  
Что все же где-то помнят о тебе  
И ждут с надеждой, верой и любовью.

Куда меня нелегкая несет?  
Куда бреду я по январской стуже?  
Ведь все равно дорога приведет  
Туда, где бесконечно нужен.

Светлана КАМУШКОВА



Шаманское счастье — летние теплые ночи,  
Луна над заливом, ее близнец в отраженьи!  
Пора осознать, что ты отличался от прочих  
Своими метами, души своей притяженьем.  
Шаманская радость — услышать пение звезд  
В себе разгадать особенную загадку,  
Духам задать свой сокровенный вопрос,  
Все тайны жизни раскрыть для других по порядку.  
Шаманская сила — песня дрожит в ночи,  
Бубен стучит в такт биению сердца.  
Найти бы кого-то похожего в этой глуши  
И с ним у костра под звездами отогреться.



Взрослые девочки любят взрослые игры.  
Любят, как пахнет мята и летние травы.  
Любят, когда их любят — звучит-то как дико!  
Не переносят, когда остаются неправы...  
Взрослые девочки ходят на тонких шпильках,  
В щечку целуют подруг, а мальчишек — в губы.  
Могут казаться порой нереально дикими,  
Наглыми, вредными, странными, даже грубыми.  
Взрослые девочки красят длинные ногти,  
Красят красной помадой пухлые губки,  
Учат английский, мечтают попробовать виски...  
А на окне скучают забытые куклы.



Осенние лисы не любят плохих новостей,  
Мечутся в поисках снега на тонких лапках,  
Пекут пироги и домой ожидают гостей,  
Утром под ветром плечами поводят зябко.  
Осенние лисы любят шуршать листвой,  
Цветы выбирают бережно и серьезно.  
Знают, сегодня вечером их подождут,  
Даже если домой возвратятся поздно.  
Дома все пахнет корицей и мятой лесной,  
Рыжая шерсть расчесана и промыта.  
Тихо шуршит сонный город там за стеной,  
Где все печали оставлены и позабыты!

Николай КРАСНОШТАН

### **(Майя весна)**

Сплетаются Шива и веревка —  
не знаю, что я хочу сказать,  
но получается струна —  
самая небесная, самая легкая —  
и раздается весна.

Да, да, среди зимы,  
среди серебра снега,  
среди веселого вселенского бега —  
в нас, в наши сердца.



Улетели. Две серебряные пули.  
Две птицы на рыжей осенней постели  
Прилегли, умерли, уснули.  
Что же вы, в самом деле...

Не спели под бледным солнцем оплавленным.  
А когда жили — в молочных небесах плавали.  
А теперь летят с глазами закрытыми  
Две птицы убитые.



### *Jewels*

В алмазных снегах изумрудные создания  
Пылают гранатовой кровью,  
Блуждают и светятся под небесами  
Из яшмы и сердолика.  
А кто-то великий ваял миры ювелирные.  
А кто-то, в драгоценных опилок инее,  
Представал ледяными картинами,  
Обтесанными экстравагантно  
До утонченных черт и тонких запястий.  
Над нами время не имеет власти,  
Над глазами из аметиста  
И над бирюзовыми слезами.  
Хватит, не ищи здесь черных бриллиантов,  
Это ночь, и звезды есть неоткрытые камни.  
Эта ночь есть пантера из серебра и углерода.  
Когда вытирают пыль, просыпается игрушечный город  
И оникс стен блестит лабиринтами фракталов.  
Я хожу и доволен всем, но этого мало.  
Колыхнется, не на ветру, а так, гроздь рябиновая,  
И зазвонят тонкими голосами ягоды.



Розы и роботы —  
Уникальная серия.  
Среди черного города  
Технология севера.

Элемент вечера:  
Воздух сталью  
Труб скован

И деталь слова  
В копоты  
Под ногами диспетчера.



Июльскими вечерами  
Мы шли собирать лето.  
«Быть может, я угадаю,  
Какая твоя планета...»

Заката приятной печали  
Мы чувства как ветер ловили.  
Искали, любили, скучали...  
Скучали, искали, любили...

Рагнед МАЛАХОВСКИЙ

## **В дневной суете**

Кровавый холст  
сжатых небес.  
Между востоком и западом  
веточка  
рисует свободу  
красками солнца.



Капельки  
на запотевшем стекле —  
неистраченные поцелуи.  
Требует продолжения  
наше беспокойное дыхание.



На дне реки  
бесчисленные клады  
ждут своих искателей.  
Пришел рыбак  
на берег.  
Удочку забросил.



акварелью в школе  
нарисовал челнок судьбы  
и уплыл,  
рассекая синие волны времени.  
Мельчает остров детства  
в океане жизни.



Каждым вздохом,  
каждой волной,  
каждым мгновением  
держится за жизнь  
чистый ручей  
посреди болотины.



Слева и справа —  
бетонные стены.  
Спрошу у охранника  
этого неба,  
о чем мечтает туча  
за проволокой  
колючей.

Анастасия МАХОВА



Смеркается. Наточено перо,  
И есть карман — достать оттуда слово  
И бросить вверх!.. Пока не рассвело,  
Пока мы все в объятиях ночного  
Духа. Как он умеет обаять  
Любого, в чьей душе не дремлет птица.  
Мне нравится в руках его держать —  
Клубок из звезд, верней — их вереницу.  
О чем еще мечтать, шальная ночь?  
Одной тебе — все песни и куплеты.  
И ставлю восклицательный, а точ-  
ка будет после — до рассвета.

И хочется все дальше продолжать,  
Жечь не плаголом — а в огне сгорая!  
Смеркается. Застелена кровать.  
Как много слов — и как я мало знаю...



Эпоха тридцать три. Я на вокзале.  
Промокли спички — плакала природа.  
Как много мы с тобой с собою взяли —  
Друг друга и стихи. В то время года  
Все кажется прозрачным. Аллилуйя  
Звучит как гимн. И с каждого балкона  
Обещанным кому-то поцелуем  
Ныряют звезды в пропасть небосклона...



Ветер шумел строптивый,  
Пыль поднимал столбом.  
А мне все казалось — ивы  
Перешептывались за углом.  
Дождь горевал, как пьяный,  
Оплакивал нашу жизнь.  
Но виделось мне — океаны  
По улицам разлились.  
И вторили люди: были  
Времена!.. А теперь — не то.  
...Но мне показалось — крылья  
Под серыми скрылись пальто.

## Старой деревне

Начать: в том тридевятиом царстве,  
В плену мифических болот,  
Наперекор годам, пространству  
Дом деревянный тихо ждет.  
Чуть покосившиеся стены,  
Певучесть старого крыльца,  
И неподвластны переменам  
Наличники его лица.  
Войду. Все та же, с детства, сырость,  
Вязанки дров, сверчков галдеж.  
Здесь не надеешься на милость  
Бога. Здесь просто ты живешь.  
У старой, с изразцами печки  
Золы столетние следы.

Здесь прочитала я при свечке  
Онегина. Из бересты  
Крутили, помню, обереги,  
Ночами, при большой луне,  
Катиться на большой телеге  
За молоком парным... И мне  
Все так же хочется вернуться  
Туда, как много лет назад.  
...Луны оранжевое блюдце  
И неба синие глаза.

Дмитрий ОВЧАРЕНКО

## Август

Мерцают ночи поздним летом,  
Из леса холодок бежит.  
Я — мал. И встал на холм планеты,  
А звезды замерли в тиши.

Семь звезд Медведицы — огромны,  
Сияют в темной глубине;  
Я, как моряк из бездны черной,  
Увижу Север в вышине.

Какая сила движет миром,  
Что можно запросто кружить  
Машины в небе беспрерывно  
И вынуждает ярко жить?...

Какая сила движет нами?  
Что человек перед судьбой,  
Когда пытается руками  
Закрыться от беды любой?

И, с неизбежностью смиряясь,  
Забыв, что выбор есть другой,  
Мы в неизвестности сравнялись  
С планетой нашей голубой.

Мерцают звезды поздним летом,  
Из леса холодок бежит...  
Стою я на плечах планеты  
И слышу, как она дрожит.

## Когда нахлынет

Когда нахлынет размышлений пена  
И суть вещей готова ускользнуть,  
Я с жизнью соглашаюсь постепенно —  
Не до конца, но каждый день чуть-чуть.

Пройти туман душевного смятенья,  
Очнуться неприкаянным в метро;  
Битком вагон... И ближние, как тени...  
А в голове прозрачно и светло...

Я в этот мир смотрю чуть удивленно, —  
Со стороны такой же, как и все, —  
Гляжу на всех как будто просветленно,  
Рекламные призывы на стене...

Борьба, существование — бьются люди...  
Стою, качая поручень рукой...  
Когда приду в себя, когда забуду,  
Когда поверю: каждый здесь — другой.

Что в стеклах черных пролетает вечность  
И что состав пронесится в трубе...  
Что жизнь сама устроит все беспечно,  
Оставив легкий привкус по себе...

Что звезды нам мерцают, но не могут  
Ни чувствовать, ни думать, ни дышать...  
Бросает их то в жар, то в стылый холод,  
А мне дано волшебное узнать:

...Бродить по лабиринту неуклонно,  
Пройти неизъяснимо-странный путь...  
И с жизнью расставаться произвольно —  
Не до конца, но каждый день чуть-чуть...

## На ледяном огне

На ледяном огне дыханье стужи кружит,  
И ночь дымится в зареве огней.  
Сквозь белое окно она глядит наружу —  
Последняя надежда  
тает все быстрее.

И как узнать, что не бывает хуже?  
И как поверить, что не навсегда?  
А просто: чай поставить,  
приготовить ужин, —  
Пусть в кружке не лимон, а падшая звезда.

И так, своей рукой помешивая жидкость,  
Ты сравниваешь жизнь спирального витка.  
А где-то льется радость...  
— А где, скажи на милость?  
— Она сейчас внутри волшебного глотка.

Мерцают в занавесках бегущие снаружи  
Троллейбусы в огнях вчерашних достиже-  
ний боли, нелюбви,  
и лед сковал все лужи.  
Не страшно умирать  
растаявшей душе.

Внутри волшебной жизни не спрячешься навеки,  
И надо уходить, как зверю в темный лес.  
Никто чтоб не увидел, как закрывались веки,  
И слезы крупным планом,  
ресницы до небес.

Алексей САХАТСКИЙ

## **В темных водах осенней реки...**

В темных водах осенней реки,  
Словно в зеркале старом и тусклом,  
Вдаль уходят сверкающим руслом  
Отраженья, беспечно легки.

Заблудился в тяжелой траве  
Сонный жук, разомлевший от полдня,  
Созерцая, как цели не помня,  
Паутина прильнула к листве.

Облака не запомнили грез  
Той росы, что сверкала на солнце  
И склоняла траву в полукольца  
Пантомимой изысканных поз.

В поднебесье себя распластав,  
Дерзкий ястреб все кружит над полем,  
Но закончить кружение не волен,  
Частью неба и облака став.

Вместе с небом, плывущим в реке,  
Вижу я своей жизни течение,  
В ней — бездонных небес отражение  
И себя самого вдалеке.

## Лимонницы, капустницы, павлиний глаз...

Лимонницы, капустницы, павлиний глаз  
На астрах, гладиолусах и золотых шарах  
Под синим небом, солнцем золотым —  
Все это рай для семилетнего мальчишки,  
Для них заброшены и первые тетрадки, и букварь,  
Но взята банка двухлитровая на кухне,  
И на дворовой клумбе, замирая,  
Слежу за танцем бабочек в восторге многоцветья.

Я научился дожидаться, как одна из них  
Раскроет хоботок, в блаженстве крылышки слагая,  
И, осторожно руку поднеся, за туловище нежно брал,  
Пуская в банку...

Окончен на одном дыханье день,  
А бабочки из банки разлетелись по квартире,  
Украсив шторы, мебель и одежду.  
Пришедшая с работы мама поймать всех сразу не смогла,  
И бабочки остались ночевать.

«Так безопаснее им будет», — думал я наивно,  
И мне увековечить красоту не удалось ни разу с той поры.

## Когда зацветают одуванчики...

Когда зацветают одуванчики  
среди молодой и сочной зеленой травы,  
кажется, что тысячи маленьких солнц  
вырастают из земли.

Среди этого света, люющегося сверху и снизу,  
неспешно постигая мир,  
маленькая дочка,  
с восхищением и любопытством разглядывая бабочку,  
перед тем как протянуть к ней руку,  
спрашивает: «Она кусается?»

«Нет», — отвечаю умудренный  
опытом и знаниями,  
а в глубине души поднимается:  
«Научи меня, дочь!»

## Личинка бабочки в укромном уголке...

Личинка бабочки в укромном уголке  
Вселенной тихо ждет, когда

Напьется зелень влаги, чтобы налегке  
По ароматной нежной кожице плода  
Пуститься гибкой гусеницей в путь,  
А после куколкой блаженнейше уснуть  
В предчувствии полета к облакам,  
В цветы прогретых августом полей,  
Чтоб научиться с ней моим рукам,  
Пыльцу не сняв, магниии белей,  
Брать осторожно трепетное тело  
Недавно так еще порхавшей вдалеке,  
Затем пустить, чтобы свободно улетела  
И снова спряталась в укромном уголке.

## **Всего загадочнее не вершины...**

Всего загадочнее не вершины,  
а постепенность перехода  
от лета — к осени,  
от юности — к любви.  
Таинственная трансформация,  
как распутье,  
заставляет замирать от неизвестности.  
Поэт  
говорит о человеке:  
«Сумерки».

Наталья ШТЕПА

## **Деревянное крылечко**

Деревянное крылечко:  
Жизнь покатится колечком  
По дощатым по ступеням  
В мир иного измеренья,  
Где забытых звуков тайны:  
Вот стучат резные ставни,  
Скрип калитки. Лай надсадный.  
Шелест по деревьям сада.  
Бьются струйки молока  
В ведра толстые бока.  
Звон косы. Ритмичный. Резкий.  
Гулко сохнут занавески.  
Ветер трогает страницу,  
У забора копошится  
То ли мышь, а то ли птица.  
Я сижу на том крылечке,  
Слушаю журчанье речки  
У вишневого куста.

Люди, люди, человечки!  
У меня на том крылечке  
Есть свободные места.



А я буду рекой течь  
По дорогам твоих бед.  
Водопадом моя речь,  
У которой и слов нет.  
Я исполню свою роль  
До исхода сего дня.  
Если кинешь в меня боль —  
Не достанет она дна.  
Я смогу напоить мир,  
Чтобы жажды ты не знал.  
Только встретимся ли мы?  
Этот мир на двоих мал.



Вот и катится мой день  
Мелочью.  
Им подольше позвенеть  
Мне б еще,  
И в карманы пиджака  
Высыпать,  
Не захочется пока  
Выбросить.  
Но дыра в кармане том  
Давняя,  
Дней-монет в неё полно  
Вдавлено.  
Завязать бы узелок  
Ниточкой,  
Чтобы ни один не смог  
Выскочить.

## **Маленькие боги**

Просто маленькие боги  
Топчут тапочками пол.  
Выпивают чай с конфеткой,  
А потом и со второй.  
Занимаются делами,  
По порядку или без.

Пишут разные словечки,  
Что берут из головы.  
Вешают словечки в окна,  
Чтобы солнце, не спеша,  
Высушило их до смысла  
Или превратило в пар.  
К смыслам петельки приладив,  
Надевают на себя.  
Просто маленькие боги  
Так живут, как мы с тобой.

## Поэтический голод

Сгрызаю рифмы,  
Словно точит голод.  
Крошу впотьмах  
Краюху эпиграмм.  
Глотаю жадно  
Слов и хмель, и солод  
И рву зубами  
Строфы пополам.  
Жую, не запивая,  
Предложения,  
Пусть всухомятку  
И после шести,  
Но творческий запой,  
Как продолжение,  
Со мной вот-вот  
Готов произойти.  
Насытиться —  
Невелика победа.  
Набить, до пуза,  
И откинуть лист,  
В котором,  
Белозубо щерясь, небо  
Разматывает  
Утренний батист.

